

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю97

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Ю_ШУТОВА.

Ю97 Гонзу Читатель / Ю_ШУТОВА. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Премия «Русский детектив»).

ISBN 978-5-04-200991-4

На тихом острове в Атлантике поселился степенный мужчина, которого местные быстро прозвали Гонзу Читатель из-за его любви к спокойным вечерам с газетой. И никто даже не догадывается, что в прошлом этот господин промышлял аферами и хакерством, а потом решил навсегда порвать с криминалом.

Новая, честная жизнь пришлось по душе Гонзу. Однако в один день все изменилось. Черда преступлений внезапно всколыхнула тихий остров, и над друзьями Гонзу нависла смертельная опасность. Бывшему преступнику пришлось вспомнить все свои криминальные навыки. И все бы закончилось быстро и без потерь, если бы на острове не появился крайне опасный киллер. Особенно опасный для Гонзу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200991-4

© Ю_ШУТОВА, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

**Человек, который
читал газеты**

Плыла-качалась лодочка

Солнце наконец зашло за гору, океан прекратил нестерпимо сверкать, тени от платанов стали мягче. По променаду вдоль каменистого пляжа бежали в ярких футболках и шортах возвращавшиеся с работы клерки, мальчишки с криками забрасывали мяч в баскетбольное кольцо, с погрузившегося в тень песочного пляжика ушли последние туристы. Ничего этого я не видел — на окнах были опущены белые жалюзи, — но для того, чтобы знать, не обязательно видеть. Это происходило каждый день, из недели в неделю, из месяца в месяц. Сказал бы, и из года в год, потому что и это правда, но мой личный первый год на этом острове еще не закончился, так что с этим утверждением я пока погожу.

Через час стемнеет. Надо выбираться из своей норы. Я бросил на пол новый криминальный романчик Алекса Куза «Бритва Оккама» — время умственных упражнений закончено, пора переходить к культуре тела. Побегать босиком по песку в бухточке — двадцать кругов, двенадцать километров, один час; поплавать в холодной, густой, как пересоленный суп, океанской воде — четыре круга, чуть больше километра, тридцать минут. И так каждый день в пять часов вечера, в любую погоду, кроме шторма. Я не само-

убийца, я пенсионер, мне уже за шестьдесят, и если поддерживать себя в форме не сейчас, то вообще когда? Наплававшись, я пошел в душ тут же на пляже — лучше соль смыть сразу, чем потом стряхивать ее, мелкую, с лысины и выковыривать из-за ушей.

Вернувшись к дому, я не поднялся к себе, а устроился на площади за одним из вынесенных из бара столиков среди таких же стариков, получил свою бутылочку пива — крохотную, всего двести миллилитров, совсем детская порция, — и газеты: «Дневник», «Новости столицы» и «Трибуну». Это мой ежевечерний ритуал.

Меня зовут Гонсалу Араужу Гимарайнш да Кошта, но на площади возле церкви Чудес Господних завсегдатаи крохотного бара без названия зовут меня Гонзу Лейтор — Гонзу Читатель. Я же зову своих приятелей голубями — не вслух, конечно, боже упаси. Но вы бы согласились, что они очень похожи на серых городских бездельников.

Эти мелковатые мужички собираются стайками на площади чуть ли не с раннего утра, важно прохаживаются, кренясь из стороны в сторону при каждом шаге, кружат группками, воркуют. В середине дня — порск! — разлетаются в разные стороны по домам обедать, а после сиесты снова слетаются сюда и снова кружат по выложенной морской галькой площади. Они громко приветствуют друг друга, будто только что вернулись из дальних заморских краев, обсуждают дела чужих племянников и двоюродных сестер и хвастаются достижениями своих сыновей, которые тоже вот-вот перейдут в категорию пенсионеров и окажутся тут же. Еще днем, пока светло, они играют на площади в домино, в карты или в русское

лото. Но в лото уж играют всей большой компанией. Рассаживаются с карточками, закрывают циферки монетками и камешками, и кто-то один, самый ответственный и хорошо видящий, выкрикивает номера, вытаскивая деревянные бочонки из мешка: «Девяносто! Два! Четыре! Барабанные палочки! Шесть! Девочка! Восемь!..»

* * *

Сегодня все было как всегда. Зажглись разноцветные гирлянды на деревьях и Вифлеемские звезды на фонарных столбах, только что отгуляли Рождество, и неостановимый праздник катился в сторону Нового года. Круглая и желтая, как сыр, луна выскочила из-за растворившейся в черном небе горы и разбросала по океану сверкающую рыбу чешую. Бар наполнился местными завсегдатаями и туристами из двух гостиниц. По телевизорам в зале над стойкой и снаружи на террасе шел матч «Ливерпуль» — «Арсенал». Народу собралось много, свободных столиков не было, и стоял на площади немолчный гвалт. Я читал свои газеты.

Из широко распахнутой двери бара вышла с маленькой чашечкой кофе толстая старуха, с неожиданной для ее бегемотьего тела грацией проплыла в тесноте террасы, нависла круизным лайнером: «Не побеспокою?» — и уселась за мой столик. Долго помешивала ложечкой свой кофе. Свет фонаря падал на ее руки — ухоженные, с гладкой белой кожей, без всяких старческих веснушек и выступающих вен. Такие руки бывают у аристократок, не поднимавших в жизни ничего тяжелее веера.

Старуха пялилась на меня, разглядывала без всякого стеснения. Что этой старой корове надо-то? Я отложил «Новости столицы» и тоже уставился ей в лицо. Ей было хорошо за семьдесят, когда-то она наверняка была красива. Округлое полное лицо, большие голубые глаза, светлые тяжелые волосы, высокая большая грудь. Такой я увидел ее в прошлом, мысленно сняв с тела рыцарские латы жира и возраста. И тут что-то шевельнулось у меня в мозгу, очень знакомая получилась картинка.

Угадав искру узнавания в моих глазах, она медленно отодвинула от себя так и не тронутый кофе, встала и двинулась мимо церкви в сторону моря. Когда она скрылась из виду за поворотом, я поднялся и тоже не спеша, пару раз остановившись перебраться вечным «как дела?» с кем-то из вновь подошедших, пошел туда же, к набережной. Туда ведет только один путь.

Она стояла на горбатом пешеходном мостике, перекинутом через речку в точке, где та добиралась до своего великого финиша. Начался прилив, и океанская вода, шипя на камнях, заполняла речное русло. Я встал рядом, облокотившись о перила.

— Как ты нашла меня?

— Давно ты здесь?

— Почти год.

— Чем занят?

— Живу. А ты?

Мы разговаривали, стоя рядом, но глядя прямо перед собой в белую пену прибоя.

— Я не искала. Приплыла сюда на Новый год. Вчера случайно увидела тебя, не сразу узнала. Постарел, лысый стал, голова как колено. Загорелый

такой. Впрочем, ты всегда был смуглым. Настоящий португалец. Только походка осталась прежней, танцующей — вот по ней я тебя и узнала... А я растолстела сверх всякой меры, диабет, старая кошелка. Никому не нужная одинокая пенсионерка.

— Ты старая кокетка, Агнесс. Ты всегда была кокеткой, этого у тебя не отнять. Приплыла, говоришь? Так это твое корыто болталось у пляжа два дня?

— Правда, она красавица?

— Океанская яхта «Азимут 77S»... Пенсионерка, говоришь? У нас в баре спорили, саудовский шейх к нам приплыл или английский миллионер. Я сказал, русский, сейчас русские самые богатые. Мне поверили.

— А это никакой не шейх, это я. И, между прочим, действительно уже лет восемь... Нет, больше... Сколько мы с тобой не виделись, Руди, лет пятнадцать?

— Двадцать лет, Агнесс, двадцать.

— Ну, значит, лет двенадцать как я на пенсии. Веду тихий размеренный образ жизни. Крохотная квартирка в пригороде Гамбурга, вокруг в основном такие же старики.

Она повысила голос:

— И, между прочим, я вырезаю талоны на скидки в супермаркете. Да! Я должна экономить! Что скажут соседи, если увидят, что я живу не по средствам?

— Что они скажут, если увидят твою яхту?

— Господи, Руди, где они увидят-то ее? В нашем тесном дворике, справа от помойки?

Мы уже не стояли на мостике, а прохаживались по набережной, сначала мимо украшенных лампочками пальм и треугольных сверкающих псевдоелок

до теннисного корта и часовенки Святого Рока, потом обратно, мимо бухты с пляжем с ярко-желтым, привезенным из Марокко песком, мимо маленькой марины, где постанывали, поскрипывали, непрерывно пританцовывая на мелкой волне, катера и яхты — тоже маленькие, куда им до Агнессиного плавучего дворца. Она опиралась на мою руку, и опиралась все сильнее — таскать свое грандиозное тело ей было нелегко. Я предложил пойти ко мне, взять бутылку скотча в баре и поговорить уже спокойно, в комфорте, как положено двум старикам.

* * *

— Только не называй меня Руди. Мое имя Гонзу.

— А чем тебя не устроило имя Руди? По-моему, очень благородно — Рудольф. Когда я была вдовой немецкого генерала... Ах, мой бедный Клаус!

У нее в руках оказался розовый кружевной платочек, и она стала театрально вытирать им слезы. Это была она, моя Агнесс! Ее любовь к розовым кружевам осталась неизменной.

— Так вот, когда я была вдовой немецкого генерала, моего водителя звали Рудольф. Прекрасный, чуткий юноша...

Я сжал ее локоть.

— Хельмут. Твоего генерала звали Хельмут фон Мольтке, ты сама это придумала. И это я был твоим водителем, Агнесс. Прекрати кокетничать.

— А ты помнишь, какое это было красивое дело? Ницца, май, Каннский кинофестиваль, все эти лопухие знаменитости, увешанные камешками по самые носы... А помнишь, какой у нас был шикарный

номер в «Негреску» с подлинниками Модильяни в спальне?

— И липовая немецкая генеральша так за него и не заплатила.

Конечно, я помню. Мы тогда здорово растрясали этих павлинов, поведивших радужными хвостами на красной фестивальной дорожке, а заодно и их спонсоров, гордо надувавших свои золотые зубные мешки, как жабы в брачный период. Ницца, Ницца, пестрый порочный калейдоскоп...

Кстати, именно в Ницце мы и познакомились.

Руди, мой мальчик!

Мне было двадцать лет, я только что расстался со своими напарниками Тру и Сушем.

Я придумал — придумал сам, один! — шикарную аферу. Основная роль тоже была моя, этим двоим нужно было только подойти вовремя, и все дела. И «лаве» мы делили соответственно: половина — мне, половина — им на двоих. Где-нибудь на не особо людной улице я высматривал фраерка, такого честного и благонадежного с виду, давал ему пройти мимо, а потом бежал, обгоняя его. И вот в тот момент, когда я пробегал мимо этого фраера... Нет, я ничего у него не выхватывал, не тащил из кармана или еще откуда. Наоборот, я «случайно» ронял ему под ноги свой «лопатник» и тут же скрывался в ближайшем подъезде или в подворотне. А ребятишки мои сидели напротив через дорогу, наблюдая за всей этой сценой. Упавший под ноги кошелек кто-то поднимал с целью поживиться, кто-то — чтобы отдать «раззяве», выронившему его, но поднимали все,

сто процентов. А подняв, или быстренько отходили в сторону, или рвались догнать меня. Но, безусловно, не находили и далее в некотором недоумении следовали с бумажником своей дорогой. Потом открывали его — вдруг там номер телефона или адрес есть, чтобы все-таки вернуть хозяину его вещь. Суш незаметно провожал этого лоха, а Тру поджидал меня и показывал, в какую сторону мне идти. В общем, ровно в тот момент, когда фраер открывал мой бумажник, я к нему подходил и предъявлял свои права. Громко, между прочим, предъявлял, всячески обвиняя бедолагу в краже. И, что бы он там ни пел, я, выхватив у него из рук «лопатник», начинал вопить на всю улицу, что он украл у меня пятьсот франков. Или тысячу, это уж как я сам оценивал его платежеспособность. Он, конечно, упирался, и вот тут подходили мои ребятки. Они парнишки были крепкие, особенно Тру. У него руки были, как две рульки, ну и морда тоже как-то в этом же ключе — свиная харя с гнилыми зубами и снулыми глазками. Ну, они подходили к нам и интересовались, что за базар не по делу. «Обокрали», — жалуясь. «Этот?» — «Он самый». Ну и тут они реально начинали на фраерка наступать, что он, мол, на чужой территории работает и что за такие кренделя надо платить. В общем, снимался с чувачка весь жирок, какой он по несчастности с собой имел. И честно делился по указанной ранее пропорции.

Проработали мы в трех или четырех городах, потихоньку двигаясь в сторону моря, и вдруг Суш потребовал пересмотр договора. Суш всегда был более задумчивым, чем его дружок. «Несправедливо, — говорил, — что бóльшую часть бабла ты забираешь,

поровну надо делить». Я спорить с ними не стал, поровну так поровну. Пospорь тут — они ребята отвязные, я их на таком дне отковырял, ниже не падают. Вякнешь — долго не пробегаешь, даже мозоли натереть не успеешь. Поделил последние «лаве» на троих поровну и тут же исчез, испарился, растаял, как сон в их прокуренных мозгах. Чао, дальше без меня.

Добравшись до моря, я быстро перемешался из городка в городок — Манделье-ла-Напуль, Ле-Канне, Антиб, Кань-сюр-Мер, — не задерживаясь нигде дольше одного дня, чтобы самому не получить по мозгам за работу на чужой территории.

И вот, наконец, Ницца. Кружу по периметру старого города, там, где еще есть чистенькие кондитерские, кофейни, лавки с сувенирами и открытками. Вглубь мрачных, вечно темных и холодных, как ущелья, кварталов туристы особо не заглядывают, если не ищут цветов порока.

Эту мадам я заметил уже скоро. Высокая, холеная, лет тридцати пяти, в роскошном белом костюме — брюки клеш и блейзер с большими накладными карманами, — босоножки на здоровенной платформе, хотя куда ей, она и так дылда, почти на голову выше меня. В крохотной сувенирной лавчонке она пыталась расплатиться пятисотфранковой купюрой, вытащенной из пухлого бумажника, а когда продавец, старикашка в берете, пожав плечами, сказал, что, если бы у него была сдача, он бы вообще не стал открывать свой магазин ни сегодня, ни завтра, она молча вернула ему открытки. Потом в кондитерской она взяла большое воздушное пирожное «Анна Павлова», расплатилась и опустила свой бумажник

не в сумочку, висевшую через плечо, а в левый карман своего блейзера.

Я смотрел на нее с улицы через витрину. Вот она выходит, держа тарелочку с пирожным двумя руками, щурится на ярком солнце, выбирая себе столик на террасе. Я зайду с ее левой руки, подтолкну слегка под локоток, чтобы пирожное опрокинулось на полотняный пиджачок, и, рассыпаясь в извинениях, вытащу, выужу золотую рыбку из ее кармана. Не в первый раз, я, можно сказать, мастер, так аккуратно вас препарирую, вы и не заметите.

И вот мы сшиблись плечами, пирожное полетело вместе с тарелкой на тротуар, она ахнула, я ойкнул, мои пальцы уже оказались у нее в кармане, на удивление, абсолютно пустом. И тут же мое запястье в этом чертовом кармане тисками сжали холодные сильные пальцы, а второй рукой она, будто приобняв меня за шею, крепко схватила за волосы и задрала мою голову вверх. И прошипела:

— Что, мальчишечка болезный, мелочь по карманам тыришь? Честных фраеров щиплешь?

Я настолько обалдел, что смог только вылупившись в ее прищуренные глаза брякнуть:

— А «лопатник»-то где?

А потом эта ведьма заголосила. Но совсем не то, что я ожидал, не «караул!», не «грабят!» и не «полиция!». Она заорала:

— Руди, мой мальчик! Где ты был все это время? Мы уже похоронили тебя!

На нас стали оглядываться посетители и прохожие. Из кондитерской выскочил хозяин.

— С вами все в порядке, мадам?

Я попытался отпихнуть ее свободной рукой, но она крепко прижимала меня к своей груди.

— Руди, ты не узнал меня? Не узнал свою тетю Агнесс?

Из глаз ее брызнули слезы, теперь она обратилась к месье патисье, а заодно и ко всем любителям уличных происшествий:

— Это мой племянник Руди, мы потеряли его восемь лет назад. Была страшная война на этом... на Ближнем Востоке. Вы знаете, там все время какая-нибудь война, а мой брат — он был дипломатом. И вот мы бежали, мы ехали через пустыню, а тут эти бандиты, стрельба, взрывы... Мой брат погиб у меня на глазах, я была ранена, очнулась в какой-то больнице, кругом были одни арабы. Я просила, я требовала, а они ничего не понимали, ни слова. Где Руди, где мой мальчик? Ничего, ничего... И вот тут... сейчас... это чудо, чудо!

Она нежно поцеловала меня в щеку и зашипела в ухо:

— Сейчас я отпущу тебя, щипачок. Ты можешь бежать и продолжать стричь шерстку с овец, пока тебя не поймают и не закатают на нары года на три-четыре. А можешь остаться, и тогда у тебя появится шанс узнать что-то новое и интересное.

Разумеется, я остался. Хозяин забегаловки, очень довольный, прыгал павианом вокруг нас — этот душещипательный балаган собрал ему еще десяток клиентов, — выкатил нам по чашке кофе и пару пирожных.

— За счет заведения, мадам, за счет заведения...

Мы уселись в самом дальнем уголке террасы. Первым делом она вытащила из только что совер-

шенно пустого кармана, где я ловил золотую рыбку, маленький кружевной платочек, такой слащаво-розовый, девчачий, и стала тщательно вытирать руки, бормоча себе под нос: «Голову мыть надо — волосы сальные, дотронуться противно». Потом спросила:

— Как тебя зовут?

— Руди.

— Хорошо. Тогда я Агнесс.

* * *

Вот так мы стали напарниками. Она была афестристой экстра-класса, но в одиночку не за любое дело возьмешься. Она видела, как я шел за ней, поняла, кто я, поняла, что я один, и решила использовать меня. Пока я охотился за ее деньгами, она сама охотилась за мной, забросила крючок и вытащила меня, трепещущего, на бережок.

Я научился водить все виды транспорта, включая яхту, вертолет и легкомоторный самолет. Когда я спрашивал: «Зачем?» — она отвечала: «Может пригодиться». Когда спрашивал: «Чего ж “Сессна”, чего же не “Боинг” сразу?» — отвечала: «Не пригодится». Она заставила меня изучить пару-тройку единоборств: «Нужно уметь защищать себя и, главное, меня, Руди». А когда я заикнулся об оружии, сказала: «Сходи в тир, возьми десяток уроков и забудь об этом навсегда, у тебя не должно возникнуть соблазна пользоваться этими штуками». Я научился одеваться и сидеть за обеденным столом, как лорд, накрывать этот самый стол, как лакей высочайшего уровня, отличать треченто от кватроченто, рассуждать о япон-